

И.В.Сохань, Д.В.Гончаров

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИНЖЕНЕРИЯ ТОТАЛИТАРИЗМА: СОВЕТСКИЙ
ГАСТРОНОМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ**

Ключевые слова: утопия, тоталитаризм, атомизация, советский гастрономический проект

Примерно четверть века тому назад в СССР тема тоталитаризма находилась в центре общественно-политической дискуссии. Для советского общества второй половины 1980-х – начала 1990-х годов потребность в концептуальном освоении феномена коммунизма была естественной: она диктовалась необходимостью понять контекст и перспективы исторического движения в условиях очевидного кризиса советской системы. Понимание тоталитаризма черпалось из трудов западных философов и экономистов (таких, как Эрих Фромм, Карл Раймунд Поппер, Фридрих Август фон Хайек, Ханна Арендт и др.), политологов (Карл Фридрих, Збигнев Бжезинский и др.), коммунистических диссидентов (Милован Джилас, Абдурахман Авторханов и др.) и из произведений художественной литературы, созданных в жанре антиутопии либо документальной прозы (Евгений Замятин, Джордж Оруэлл, Александр Солженицын и т.д.). Все эти работы (или, во всяком случае, бо́льшая их часть) были написаны в середине XX в. В них европейские интеллектуалы, политические активисты и литераторы сформулировали концепцию тоталитаризма, которая описывала этот феномен преимущественно в терминах макросоциологического и ценностного анализа. Подобного рода обобщенная концептуальная картина вполне соответствовала запросам позднесоветского общества (а также уровню социальных исследований того времени) и позволяла сохранять целостность общественно-исторической картины в условиях разложения коммунизма.

Довольно скоро после падения советского строя тема тоталитаризма начинает уходить на периферию как общественно-политических, так и академических интересов – в центр внимания выдвигаются теории транзита. Следует сказать, что аналогичный путь концепция тоталитаризма проделала ранее и в западной политологии. Расцвет тоталитарных диктатур в середине XX в. вызвал к жизни обширный корпус литературы, о котором упоминалось выше. Но уже в 1960-е годы целостность парадигмы тоталитаризма нарушается. Появляются ревизионистские концепции¹, на фоне которых «классическая» теория подвергается определенной маргинализации. Наступившая в последующие десятилетия эйфория демократизации и вовсе оттесняет ее в область исторического знания. В условиях провозглашенного Фрэнсисом Фукуямой «конца истории» (непосредственно связанного с банкротством «реального социализма») и впечатляющего успеха демократий «третьей волны» вопросы о том, как были устроены и как функционировали тоталитарные общества, представлялись неактуальными. Однако со второй половины 1990-х годов объектом критики оказывается уже сама

1 См. Fish 1997.

парадигма транзита². Ставятся под сомнение как необратимость процессов демократизации в современном мире, так и неизбежность социокультурного и институционального прогресса. Утверждается понимание того, что траектории политического развития в современном обществе могут быть очень разнообразными и вести к социетальным состояниям, имевшим место в прошлом.

Такого рода концептуальный сдвиг возрождает интерес к исследованию тоталитаризма. Но концептуальное развитие социальных наук не ограничивается трансформацией парадигмы транзита. Одним из важных измерений этого процесса становится внимание к повседневным практикам общественно-исторической жизни, а также к их институциональным и социокультурным основаниям. В настоящей работе мы попытаемся показать, как «макротеорию» тоталитаризма можно дополнить исследованиями среднего или даже микроуровня, обнажающими социетальную ткань, скрывающуюся за общими контурами тоталитарной модели. Для этого будет предложена теоретическая модель, сочетающая социально-политический анализ тоталитарной солидарности с элементами культурологического описания практик тоталитарной власти.

Тоталитарный идеал вертикальной интеграции общества

Одна из наиболее известных теорий тоталитаризма связывает его происхождение с социальной атомизацией, возникающей в ходе активной индустриализации и урбанизации, которые ведут к распаду интенсивных личных связей, существовавших в рамках локальных групп традиционного общества³. В результате индивид оказывается «затерян» в безличном окружении, зависим от действия многочисленных сложно устроенных и удаленных от него (как в пространственном, так и в социетальном отношении) институтов. Такие условия порождают социально-психологический феномен «бегства от свободы»⁴ («авторитарной личности»⁵, «массового общества»⁶ и т.п.), который и способствует историческому успеху тоталитарных проектов различного толка, поскольку тоталитарные режимы заменяют психологически невыносимую социальную изоляцию сплоченными структурами господства и подчинения, базирующимися на сакрализации государства и его вождей.

Нужно сказать, что тезис об атомизации предтоталитарных обществ – одна из наиболее уязвимых сторон данной теории. В последние десятилетия появились исследования, которые ставят под сомнение его обоснованность даже по отношению к Германии – наиболее развитой из всех тоталитарных стран⁷. Тем более сомнительным он выглядит применительно к России и многим другим странам, где социально-экономическая и культурная модернизация сколько-нибудь существенно затронула лишь отдельные сегменты общества. Однако концепт

2 См. Carothers 2002.

3 Арендт 1996.

4 Фромм 1990.

5 Adorno et al. 1950.

6 Ортега-и-Гассет 2007.

7 Berman 1997.

вертикально ориентированной солидарности в рамках структур тоталитарного господства и подчинения заслуживает, на наш взгляд, самого пристального внимания.

Всякий тоталитарный проект выстраивается как стратегия абсолютного контроля над обществом – в терминах самих тоталитарных проектов она определяется как гармонизация, сплочение общественного организма. И здесь неизбежно встает вопрос: какая форма солидарности должна обеспечить сплоченность тоталитарного социума? Ответ заключается в идеале вертикальной солидарности – социуме, лишенном горизонтальных связей и ориентированном строго вертикально. В такой конструкции представлено только два компонента: индивид и машина тоталитарного государства. Иные формы солидарности подлежат устранению – уничтожаются как досовременные структуры солидарности (локальные связи в рамках семьи, клана, местных и религиозных общин и т.п.), так и современные структуры гражданского общества и институты плюралистической системы политического участия.

Следует отметить, что ценностный сдвиг, имевший место при переходе от традиционного общества к индустриальному и связанный с ростом секулярных и рациональных ценностей, вовсе не противоречил логике формирования вертикальной солидарности⁸. Напротив, эпоха Модерна видела прогресс именно в том, что на смену партикуляризму досовременного мира приходит рациональным образом унифицированная среда общественного взаимодействия, координируемая централизованными институтами, прежде всего государством. Тоталитарные проекты лишь доводят этот посыл до его логического завершения.

Укрепление структуры вертикальной солидарности требует изоляции индивида от всех акторов, с которыми он мог бы взаимодействовать как более или менее равноправный партнер, накапливая в ходе такого взаимодействия ресурсы для автономного (по отношению к монопольному институциональному центру) действия. Уничтожение горизонтальных структур солидарности разворачивается как процесс атомизации общества, которая выступает одновременно и инструментом, и социетальным эффектом системы тотального контроля. Таким образом, атомизация действительно является предпосылкой устойчивой системы тоталитарного контроля, но, на наш взгляд, есть все основания полагать, что она не столько характеризует предтоталитарные общества, сколько становится результатом функционирования тоталитарных политических систем.

Для того чтобы максимально повысить уровень атомизации в обществе и разрушить все альтернативные (в первую очередь горизонтальные) формы солидарности, используется определенный набор институциональных стратегий. Наиболее очевидной из них является террор – эта сторона тоталитарной истории описана достаточно хорошо⁹. Сравнительно неплохо изучены и разнообразные практики тоталитарной социализации (система образования, пропаганда, мобилизованное

8 См. Inglehart, Welzel 2005.

9 Литература здесь обширна, см., например, Конквест 1991, Courtois et al. 1999 и др.

политическое участие и т.п.)¹⁰. Однако еще одна фундаментальная стратегия осталась практически незамеченной – речь идет о тоталитарной практике дисциплинирования посредством распределения пищи. Построение тоталитарной системы кормления направлено на то, чтобы установить всеобъемлющий контроль над базовыми человеческими потребностями и обеспечивающими их практиками. Решение этой задачи позволяет добиться не имеющего аналогов в современной истории уровня контроля над структурами социального действия в контексте социокультурной инженерии тоталитаризма – созидания «нового» человека и «нового» общества.

Социетальное значение и структура практик кормления

Оформляя и нормируя практики, связанные с удовлетворением первичной и неотчуждаемой потребности человека в пище, гастрономическая культура оказывается той сферой, где наиболее эффективно (по сравнению со всеми остальными лакунами повседневного) реализуются дисциплинарные механизмы власти. Они могут проявляться по-разному – от статусной репрезентации в декларируемых гастрономических предпочтениях и способах их реализации до откровенного насилия посредством голода, когда подчеркивается прямая, на витальном уровне, зависимость как индивида, так и общества от кормящей власти. Здесь следует разграничить престижное потребление пищи, на которое обычно претендует элита, определяя сферу своего гастрономического потребления как иную, находящуюся по другую сторону от гастрономических практик большинства, и использование таких практик в качестве инструмента дисциплинарного контроля. Смысл последнего не только и не столько в формировании отличия и даже не в демонстрации собственного статуса, сколько в ориентации на связь с народом, когда власть выказывает заботу о нем, подчеркивая свою роль как дарующей базовое телесное удовольствие – и в конечном счете самоё жизнь. Когда мы говорим о гастрономическом контроле со стороны власти, то подразумеваем большее, нежели просто особый характер элитного потребления, – максимальное использование дисциплинирующего потенциала гастрономической культуры. Отталкиваясь от фукианской идеи о практиках властного дисциплинирования, можно утверждать, что самой эффективной из них является гастрономическая, так как она имеет дело с базовым удовольствием и воплощается на границах взаимодействия телесности с внешней средой. Именно гастрономический контроль позволяет осуществляться непрерывности и тотальности власти.

Предлагая системное определение гастрономическим практикам как практикам власти, следует выделить несколько модусов их реализации:

- кормовая функция власти в ее первичном значении, то есть в виде кормления народа посредством кормового дара (продуктовой подачи). Так было, например, в России XVI–XVII вв. Кормление принимало форму многолюдных совместных трапез при царском дворе; продуктовых даров, отсылаемых домой избранным; пиршеств

¹⁰ Linz 2000, Daniels 2007, Фицпатрик 2001, Кондратьева 2006, Лебина 1999 и др.

по случаю праздников и иных событий. Все эти практики носили отчетливо ритуальный характер и существовали до появления рутинных форм застольного этикета, который, регламентируя социальные и культурные параметры застолья, выводил пищу за рамки сакральности. Кормление в описанном здесь понимании исчезло только при Петре I, чья ориентация на западную культуру способствовала вытеснению гастрономического ритуала в пользу гастрономического этикета, тем самым поставив под вопрос саму суть кормления. Однако в культурном отношении практика кормления оказалась очень живучей, что позволило сравнительно легко возродить ее в сталинской России;

- кормовая функция власти в ее вторичном или дополнительном значении, связанном с установлением особого контроля над наполнением продуктовых подач. Эта идея отчетливо просматривается в классических социальных утопиях, где не только организация коллективных трапез, но и определение содержимого приготавливаемых блюд оказывается делом государственной власти. Например, в «Новой Атлантиде» Фрэнсиса Бэкона государственный контроль над качеством пищи обосновывается необходимостью ее «научной» обработки, чтобы усилить свойства еды привитыми ей лекарственными возможностями¹¹. В «Городе Солнца» Томмазо Кампанеллы¹² блюда для коллективных трапез заказывает поварам Главный врач, чья задача не только обеспечить полезность и рациональность питания, но и не допустить *потенциальной избыточности удовольствия*. Ту же функцию, помимо собственно распределения, присвоит себе, как мы покажем ниже, и советская власть в России 1920–1930-х годов (в рамках идеологических риторик о преобразовании быта);
- гастрономическая репрезентация власти, охватывающая собой практики, с помощью которых власть утверждает свой особый статус на уровне телесного опыта. Это потребление пищи праздничной, пищи пира, не характерной для обыденного стола среднего класса, но используемой властью в качестве повседневной. Необычность и многообразие, а также неподъемное количество блюд означают неограниченный рост идентичности власти, ее колоссальную способность к интеграции и переработке всего другого, которое перестает быть собой и становится внутренним содержанием власти;
- голод как экстремальная форма дисциплинирования. Голод создает тело заключенного, которое, в отличие от тела короля, символизирующего избыток принадлежащей ему власти, выражает недостаток власти, являясь минимизирующимся телом¹³, где дефицит материального приводит к удвоению нетелесного, души.

Гастрономическая культура как практика власти, разумеется, не сводится только к различным измерениям кормовой функции, но в данном случае нас интересует именно последняя, поскольку, будучи так широко и

11 Бэкон 1978.

12 Кампанелла 1947.

13 Фуко 1999.

полно реализована в русской истории, она, похоже, во многом обусловила российскую политическую культуру.

Практики кормления в русской истории

Кормовая функция власти имеет глубокие корни в российской истории. Она была представлена в отношении власти к народу на протяжении столетий, приобретая особую форму в советский период. Помимо созданной большевиками системы распределения продуктов, прекрасной иллюстрацией кормления в отечественной истории могут служить так называемые царские подачи в XVI–XVII вв. □

Царь никогда не ел один; любая его трапеза, даже происходившая в узком кругу семьи, сопровождалась подачами – продуктовыми дарами всем приближенным. Подачи были в достаточной мере институционализированы – их реализацией занимались четыре службы при дворе. Качество подач зависело от статуса адресата и расположенности к нему государя, что в немалой степени определяло ценность продуктов и блюд, не просто формируя гастрономическую иерархию, но и соединяя ее с политической. Прекращение подач означало отлучение от власти, потерю жизнетворной связи с ней, тем самым еще раз подчеркивая значение царской власти как непосредственной «подательницы бытия».

Почему речь идет именно о кормлении? В самом акте кормления зафиксирована ценностная иерархия – есть тот, кто кормит, и тот, кого кормят, при этом кормимый зависим от кормящего. Зависимость складывается на самом первичном, витальном уровне, поэтому так эффективно управление посредством такой зависимости – достаточно вспомнить голодовку как форму протеста, в которой даже максимально зависимый реализует последнюю ипостась своей свободы. Выражаясь в продуктовых подачах, кормленческая функция царя иногда приобретала экстремальные формы (например, кормление нищих или юродивых), что дополнительно укрепляло его сакральный статус. Кормленческая модель позиционировалась как предпочтительная и на иных уровнях социальной организации – каждый хозяин должен был строить свое хозяйство по образцу царского двора и кормить определенное количество зависимых от него людей сообразно наличествующей иерархии. Подобная модель власти способствовала прежде всего формированию особого типа идентичности, при котором индивидуальность субъекта нивелировалась, а сам он приобретал право на существование только благодаря тому положению, какое занимал по отношению к другим.

Утопический гастрономический проект

Гастрономический проект как одна из стратегий социетальной инженерии тоталитаризма явился почти зеркальным отражением властной реорганизации гастрономической сферы, предложенной в социальных утопиях. Советская страна как пространство утопии вполне отвечает всем основным параметрам утопического – внеположенность истории (история началась с Октябрьской революции); осуществление себя в постоянном сравнении с иным/чужым – тем, что было до нулевой точки начала истории, и современным чужеродным, посягающим на чистоту

утопического; вера в абсолютную познаваемость человеческой природы; претензия на полную реконструкцию реальности согласно рациональному ее проекту. Жизнеспособность советской утопии во многом обуславливалась ее связью с исторической моделью власти – присущей этой модели сакральностью и поддерживаемыми ею мифологическими структурами.

Основная стратегия гастрономического дисциплинирования – регламентация удовольствия, чрезмерность которого, равно как и недостаточность, не только пагубно сказывается на человеке, но и приводит к негативным трансформациям его потребностей, что неизбежно влечет за собой социальные и экономические проблемы. Поэтому гастрономическое выводится из пространства его частной, а значит, стихийной и произвольной, по мысли авторов утопий, регламентации и переходит под надзор рациональной и всеведущей высшей власти, которая способна обеспечить соответствие практик потребления пищи научно обоснованным и, главное, гарантирующим абсолютный контроль принципам.

В ряду утопических проектов реорганизации гастрономического особого внимания заслуживает тот, что был предложен Бэконом в «Новой Атлантиде». Следуя своей известной формуле «знание – сила», философ настаивает на необходимости функционализировать и медикализировать пищу, дабы та не обслуживала интересы индивида, воспринимающего пищу и пространство гастрономического как сферу реализации дополнительных значений, связанных в том числе и с дискурсом частного желаяния, но стала прежде всего инструментом воспитания человека как дисциплинированной части рационализированного и ориентированного на благоу цель единого общественного организма¹⁴.

Гастрономический режим жителя утопии носит инвариантный для всех утопических проектов характер¹⁵ и выражается в иерархизированной общественной трапезе, где пища распределяется статусно, а также в стремлении к медикалистскому дискурсу в гастрономии, который мыслится воплощением рационального подхода к телесности. Власть заботится о равномерном распределении удовольствия, пресекая избыточность и недостаточность потребления. Формирование коллективной телесности является одной из задач всякой общественной трапезы, но в условиях инициированного извне распределения пищи и отсутствия выбора предпочтительного формата трапезы индивид усваивает характеристики коллективной телесности как обязательный стандарт телесности вообще. Абсолютной целью тоталитарной культуры еды выступает полное отчуждение индивидуальной телесности в пользу тоталитарной власти и дисциплинирование человека жесткими нормами, призванными обеспечивать его функционирование в рамках коллективной телесности. Индивидуальная телесность как тело желаний (тело наслаждения) аккумулирует частный порядок удовольствия, рост и реализация которого зависят только от самого человека и могут идти вразрез с общественными задачами. Будет ли это желание направлено на безудержное

14 Бэкон 1978.

15 Бэкон 1978, Платон 1971, Кампанелла 1947, Мор 1978, Фурье 1954.

потребление, чего опасаются и против чего восстают авторы утопий, либо на аскетизацию жизни – в любом случае индивидуальная телесность порождает необходимость индивидуального же вектора существования, что расходится с ключевыми принципами тоталитарной утопии. Поэтому тоталитарный гастрономический проект настаивает на построении категорической коллективной телесности с присущими ей прозрачностью, унифицированностью и отсутствием даже возможности перверсивных акцентуаций, которая полностью бы заменила собой индивидуальное тело желания.

Гастрономические практики в Советской России

Реорганизация гастрономического пространства в Советской России, бесспорно, во многом определялась экономическими соображениями: «...Прагматичные политики увидели в обобществлении домашнего хозяйства средство решить проблему продовольственного снабжения населения в условиях глубокого экономического кризиса 1920-х годов. Через общественные столовые предполагалось решить задачу распределения продуктов. При строительстве новых квартир можно было сэкономить средства на сооружении кухонь (в доме-коммуне кухни на отдельную семью не планировались, так как на первом этаже располагались общественные столовые), а также на производстве бытовой техники»¹⁶. Экономия должна была быть во всем – в организации домашнего пространства, в расходовании продуктов, наилучшим образом приготовить которые смогут профессиональные повара под диетологическим надзором врачей, в использовании ресурсов женского труда, который из домашней сферы перетечет в сферу общественного производства.

Вместе с тем в Советской России шла перекодировка культурных значений телесности – в сторону опрощения и обеднения. Поэтому еда рассматривалась исключительно как топливо для организма. Крайне важными представлялись ее состав, питательность и усвояемость. Вкусовые качества трактовались как способствующие лучшему усвоению, а значит, обладающие пользой для телесности. Медикалистский дискурс оценивания еды сформировался в 1920-е годы и развился в эпоху НЭПа. В его основе лежало противопоставление новой советской культуры еды ее буржуазному варианту. Этот дискурс нашел четкое отражение в «Книге о вкусной и здоровой пище» 1939 г.¹⁷, которая кодифицировала уже завершившуюся перестройку советской культуры питания.

В условиях острой потребности в рабочей силе советской системе был близок феминистский взгляд на кухню как на главную тюрьму для женщин, освобождение от которой откроет перед ними перспективу самостоятельной социальной реализации. Данная Клодом Леви-Строссом типология еды, подразделяющая последнюю на внутреннюю (повседневную, которую готовит женщина) и внешнюю (праздничную, которую готовит мужчина)¹⁸, пересекалась здесь со сформулированным в

16 Хасбулатова 2005: 101.

17 Книга о вкусной и здоровой пище 1939.

18 Леви-Строс 2007.

утопиях тезисом, что все заботы о коллективистской трапезе возьмут на себя профессиональные повара, освободив домашних хозяек от излишних и, главное, нецелесообразных трат. Предпочтительная трапеза – это трапеза коллективная, приобретающая характер экстатического праздничного действия; только такая трапеза конструирует коллективную идентичность советского человека в контексте осуществляемого над ними кормового властного контроля: «Общая коммунальная столовая, общность условий жизни – вот то, что необходимо прежде всего для воспитания нового человека»¹⁹.

Питание должно было потерять свой частный характер и стать отраслью рациональной индустриальной системы. Предполагалось, что общественные столовые («харчевые фабрики») обеспечат экономию ресурсов и позволят женщине пойти трудиться на производство, доверив приготовление пищи системе общепита, где пища будет приготовлена наилучшим образом. Помимо потребности в дополнительных источниках рабочей силы, внедрение этой модели было связано со стремлением перестроить устоявшуюся систему гендерных отношений, присвоив женщине наравне с мужчиной статус активного субъекта труда и полноправного участника строительства новой жизни. Оставаясь дома и готовя домашнюю еду, женщина выступала агентом формирования частных характеристик габитуса человека. Теперь же выработку такого габитуса взяло в свои руки государство. Поэтому женщине за короткое время надлежало пройти путь «от плиты к книге» – от частной плиты как бессознательного пространства к общественному, конституируемому идеологией дискурсу. Столовые становились объектом обследования делегатками, символизировавшими новый статус женщины, которая, покинув кухню, возвысилась до роли народного инспектора питания.

В 1920-е годы шла активная работа по сооружению общественных столовых, призванных изменить архитектуру жилья, ибо они позиционировались как вынесенные за пределы частного семейного пространства кухни. В журналах с характерными для эпохи названиями «Работница», «Коммунистка», «Общественница» велась оживленная дискуссия о преимуществах общественного питания перед частным. Питанию следовало стать сугубо функциональным и зависеть от профессиональной принадлежности человека – определение калорийной «стоимости» различных видов труда возлагалось на науку. Примером здесь может служить паевое товарищество Нарпит (народное питание), учредившее научно-пищевой совет с целью создания системы образцовых столовых, которые бы представляли собой вершину технического прогресса и действовали на основе научно обоснованных принципов питания с использованием технических средств, обеспечивающих чистоту, быстроту приготовления пищи и гигиену ее потребления²⁰.

Калорийная «стоимость» быстро превратилась в иерархический «вес». Реализуемый посредством пищи дискурс частного удовольствия разрешался лишь индивидам, входившим в состав партийной элиты или близким к ней. По отношению ко всем остальным действовал принцип

19 Лебина 1999: 166.

20 Кожаный 1924, 1935.

экономии ресурсов с сопутствовавшей ему медикализацией питания – и голодом в качестве репрессивного гастрономического метода.

Категории здоровья, гигиены, рационального питания отвечали требованиям эпохи и создавали дисциплинарное пространство для конструирования нового человека, абсолютно лишенного так называемого тела наслаждения и, соответственно, тела вкуса, связанного не только со вкусом, участвующим в кулинарном выборе, но и со вкусом жизни. Культура общественного питания была направлена также и на выработку навыков общения за столом, что объективно повышало индивидуальные статусные ресурсы. Однако одновременно она предполагала взаимное соглядатайство, выраженное в целой системе средств принуждения к надзирательству друг за другом и артикуляции чувства вины перед государством, осуществляемым за столом. В своей трапезе человек никогда не оставался один – он всегда разделял ее с тоталитарной властью: вездесущие портреты Сталина и других партийных руководителей визуально репрезентировали тоталитарную власть для поданных.

Такая повседневная практика способствовала формированию идеального члена тоталитарного общества, о котором пишет Арендт: «Старая присказка, будто бедным и угнетенным нечего терять, кроме своих цепей, неприменима к людям массы, ибо они теряли намного больше цепей нищеты, когда утрачивали интерес к собственному благополучию, исчезал также источник всех тревог и забот, которые делают человеческую жизнь беспокойной и исполненной страданиями. В сравнении с этим их имматериализмом христианский монах выглядит человеком, погруженным в мирские дела»²¹. Подобного рода имматериализм обеспечивался отсутствием собственной телесности (которая моделируется повседневными практиками заботы о себе). Индивидуальная телесность оказывалась отчужденной и подконтрольной власти, оставляющей индивиду лишь его физическое тело, вынужденное пользоваться *коллективными* практиками заботы о себе, становясь компонентом коллективной телесности. Поэтому гастрономическая реорганизация занимала важное место в бытовой революции: она вела к отчуждению телесности в пользу государства, так как инсталлировала структуры власти во внутрителесное пространство через самого непосредственного агента – пищу.

Крайней формой гастрономического дисциплинирования выступает голод, который тоже является практикой, определяющей место человека в тоталитарной иерархии, – от пытки голодом по отношению к узнику ГУЛАГа до продовольственного пайка крупного партийного функционера. Особый режим питания, применяемый к не заслужившим доверия системы гражданам, может рассматриваться под двояким углом зрения. Первая группа характеристик полностью воспроизводит специфику тоталитарной гастрономической культуры в целом: 1) распределение пищи дарующей и кормящей властью; 2) разрыв между репрезентацией и реальным положением дел (известно, что продуктовая норма заключенного формально была близка к относительной норме питания, но никогда не

21 Арендт 1996: 420.

соблюдалась); 3) невозможность выбора (кормящая власть устанавливает норму приемлемого удовольствия в практиках питания). Вторая фиксирует специфику тюремного кормления в связке «тоталитарная власть – заключенный»: 1) власть кормит, минуя стадию распределения продуктов с возможностью их последующего приготовления²²; 2) власть пытается пиццей (это пытка не только голодом, но и гнилой пиццей с «пустыми калориями», потребление которой способно привести к смерти от истощения²³); 3) власть убивает – особой гастрономической схемой, когда еда становится целью, требующей экстремального перенапряжения физических сил либо высокой степени морального разложения.

Конструирование деклассированного (атомизированного) общества ставило вопрос о создании новой системы социальных связей, которые оказывались привязаны к еде – с использованием соответствующих социальных и культурных кодов. В любом обществе выбор той или иной пиццы маркирует социальный статус индивида. Но в условиях дефицита таковой (то есть отсутствия выбора) социальный статус маркируется бинарной оппозицией «голод–сытость» и состояниями внутри нее. Поэтому лояльность по отношению к тоталитарной власти была залогом выживания. Как полагает Шейла Фицпатрик, деклассирование в условиях советской системы осуществлялось в два этапа: непосредственно после революции 1917 г. и в конце 1920-х годов, когда коллективизация и плановый экономический стандарт потребовали унификации возникших за время НЭПа разнообразных социальных структур.²⁴ В обществе начала складываться бинарная структура в виде истинного пролетария с незамутненным прошлым и тоталитарной власти как мерила подлинной ценности происходящего. Их отношения укладывались в диалектику раба и господина, и статус раба был связан с его близостью к господину и вытекавшей отсюда возможностью владения социальными благами, в том числе и подобающей продуктовой корзиной. В подобной социальной реальности известная поговорка «ты есть то, что ты ешь» приобретала иную модальность: «ты есть то, чем тебя кормят».

В постсталинский период советский гастрономический проект несколько изменился, сохранив, однако, многие черты социетальной практики тоталитарного дисциплинирования. Механизм распределения продуктов по-прежнему работал, маркируя степень нужности того или иного человека государству. В то же время власти пришлось все больше и больше отступать от утопической целостности тоталитарного гастрономического проекта. Собственно, произошло это еще в сталинский период. Отправными точками здесь стали, с одной стороны, признание необходимости частной кухни, а с другой стороны, постулирование высокого уровня советской гастрономии как маркера качества и специфики советской повседневной жизни – мотивы, которые появились уже в первом

22 В «Путешествии в страну ээка» Юлий Марголин пишет о навязчивом желании заключенных имитировать самостоятельное приготовление скудного пищевого пайка путем разогревания его на печке в лагерьном бараке в попытке сохранить свою индивидуальность и самостоятельность. (Марголин 2008).

23 См. Чернавин 1999.

24 Фицпатрик 2001.

издании «Книги о вкусной и здоровой пище»²⁵. Эта особая кулинарная книга, где гастрономические риторики перемежались с политическими, апеллировала к советским гражданам, и прежде всего к советским домашним хозяйкам, делясь с ними знаниями о правильном и вкусном питании. Рассказ о достижениях советской пищевой промышленности, об изобилии (в реальности, конечно, не существующим), преследовал определенную цель – донести до народа послание о том, что светлое будущее, ради которого он страдал и трудился, наконец наступило. Поэтому «Книгу о вкусной и здоровой пище» можно смело назвать книгой о гастрономическом коммунизме. А поскольку кулинарная книга является первичной формой экспертного знания, свидетельствующего о том, что запечатленная на ее страницах гастрономическая культура была и есть, то ее можно понимать и как ту гастрономическую мифологию, которую оставил тоталитаризм среди своего мифологического наследства.

Заключение

История советского гастрономического проекта рождает целый ряд вопросов. Прежде всего, существовал ли этот проект как некая целостная, отчетливо артикулированная идеологическая конструкция? И в какой степени он оказался реализован? Исторические источники, такие как пресса 1920-1930-х гг. (прежде всего «женские журналы» «Работница» и «Крестынка») и пропагандистские брошюры того времени²⁶, позволяют составить представление о предлагавшемся тогда утопическом видении гастрономических практик. Разумеется, это видение (как и другие аспекты тоталитарных утопий) не удалось воплотить полностью. Однако даже те практики, которые были сформированы в результате проведения соответствующей политики, оказали огромное влияние на эволюцию тоталитарного общества.

Фундаментальная перестройка повседневных гастрономических практик была тесно связана с разрушением рыночной экономики и созданием системы централизованного контроля над всеми материальными ресурсами. В этом процессе утопический гастрономический проект играл роль морального ориентира и оправдания социальных преобразований, направленных на искоренение несправедливого общественно-экономического порядка, воплощавшегося в иерархии практик питания. Следует отметить, что данный проект высветил еще одну особенность тоталитарных утопий – их модернизационный характер. Коммунистические утопии вовсе не противопоставляли себя модернизации, понимаемой как поступательное развитие общества, базирующееся на научной рациональности и техническом прогрессе. Как известно, главная претензия марксистов к капитализму заключалась в том, что на определенной стадии исторического развития тот становится препятствием на пути прогресса. В социальном и культурном отношении основной порок капитализма виделся в том, что он разобщает общество, которое (при условии устранения буржуазного порядка) должно слиться в едином – и

²⁵ Книга 1939.

²⁶ См. Кожаный 1924, 1935 и др.

координируемом из направляющего центра – процессе созидания материальных ценностей. Новые гастрономические практики стали одним из наиболее важных культурных и институциональных каналов воплощения этой идеи в жизнь. Они на витальном уровне утверждали ключевые ценности тоталитарной утопии: равенство, всеобщую солидарность, рациональность, подчинение централизованному контролю. Дополнительным их достоинством, как предполагалось, являлось социальное и культурное освобождение женщин.

Утопический гастрономический проект (что было особенно важно в российских условиях) носил отчетливо урбанистический характер. Мир утопического – это мир города, городских жителей – рабочих и инженеров, подчиненных дисциплине индустриального труда; вождей-идеологов, пропагандистов и функционеров, учителей и стражей порядка, объединенных служением машине тотального контроля. Именно они «населяют» гастрономический проект, именно их жизнь он наполняет энергией, ритмом и смыслом. За пределами города (или даже на его окраинах) гастрономический проект теряет почву, поглощается иррациональной стихией деревенской жизни.

Несомненно, что многие составляющие этого проекта могли выглядеть привлекательными для человека раннеиндустриального общества. Например, идея универсальной солидарности, основанной на включенности в состав единого сообщества, изменение социального статуса женщин, ожидание того, что технологическая организация существенно улучшит быт масс, и т.п. Однако в действительности эти цели оказались недостижимыми. Более того, выяснилось, что историческая задача утопического гастрономического проекта заключалась в ином – он должен сформировать общественный механизм, изолирующий индивида от других равноправных акторов, лишаящий его перспективы личной автономии и подчиняющий вертикальным структурам тоталитарного контроля. Уничтожение домашнего быта, вовлечение женщин в сферу дисциплинирующего контроля в рамках индустриальных и административных структур, монополизация производства и распределения пищи (неразрывно связанная с дефицитом, недоеданием и низким качеством продуктов), иерархические практики кормления, наконец, голод – все это способствовало глубокой атомизации общества, превращая индивидов в идеальных субъектов тоталитарной системы господства и подчинения.

Библиография

- Арендт Х.** 1996. *Истоки тоталитаризма.* – М.
Бэкон Ф. 1978. *Новая Атлантида.* М.: Мысль.
Кампанелла Т. 1947. *Город солнца.* - М.-Л.
Книга о вкусной и здоровой пище. 1939. – М., Л.
Кожаный П. 1924. *Долой частную кухню.* – М.
Кожаный П. 1925. *Дома-коммуны и товарищеское харчевание.* – М.
Кондратьева Т. 2006. *Кормить и править: О власти в России XVI–XX вв.* – М.
Конквест Р. 1991. *Большой террор.* – М.

- Лебина Н.** 1999. *Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии, 1920–30 годы.* – СПб.
- Леви-Строс К.** 2007. *Мифологики: происхождение застольных обычаев.* – М.
- Марголин Ю.** 2008. *Путешествие в страну зэка.* – М.
- Мор Т.** 1978. *Утопия.* – М.
- Ортега-и-Гассет Х.** 2007. *Восстание масс.* – М.
- Платон.** 1971. *Государство.* – М.
- Попов В.А.** (ред.) 1997. *Потестарность: генезис и эволюция.* – СПб.
- Фицпатрик Ш.** 2001. *Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город.* – М.
- Фромм Э.** 1990. *Бегство от свободы.* – М.
- Фуко М.** 1999. *Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы.* – М.
- Фурье Ш.** 1954. *Избранные сочинения.* – М.
- Хасбулатова О.** 2005. *Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии.* – Иваново.
- Чернавин В.В., Чернавина Т. В.** 1999. *Записки «вредителя»: Побег из ГУЛАГа.* – СПб.
- Adorno T.W., Frenkel-Brunswik E., Levinson D.J., Sanford R.N.** 1950. *The Authoritarian Personality.* – N.Y.
- Berman S.** 1997. Civil Society and the Collapse of the Weimar Republic // *World Politics*. Vol. 49. № 3.
- Carothers Th.** 2002. The End of Transition Paradigm // *Journal of Democracy*. Vol. 13. № 1.
- Courtois S.** [et al.]. 1999. *The Black Book of Communism: Crimes, Terror, Repression.* – Cambridge, Mass.
- Daniels R.** 2007. *The Rise and Fall of Communism in Russia.* – New Haven, London.
- Fish S.** 1997. *Democracy from Scratch.* – Princeton.
- Inglehart R., Welzel Ch.** 2005. *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence.* – N.Y.
- Linz J.J.** 2000. *Totalitarian and Authoritarian Regimes.* Boulder: Lynne Rienner Publishers.